

М.А. Бакунин

**Полное собрание
сочинений**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.А. Бакунин**
Полное собрание сочинений: Том 1 / М.А. Бакунин – М.: Книга по Требованию,
2021. – 240 с.

ISBN 978-5-458-10775-4

Бакунин Михаил Александрович (1814-1876) - деятель российского и международного революционного движения, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества.

ISBN 978-5-458-10775-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БОГЪ и ГОСУДАРСТВО.

Якобинскіе абсолютисты и революціонеры Школы Жапъ Жака Руссо и Робеспьера провозглашаютъ угрожающую и безчеловѣчную теорію абсолютнаго права Государства во имя фикціи, называемой то коллективнымъ интересомъ, то коллективнымъ правомъ или коллективными волей и свободой, между тѣмъ какъ абсолютисты-монархисты основываютъ право Государства съ гораздо большей логической послѣдовательностью на Божьей милости. Либеральныя доктринеры, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые принимаютъ въ серьезъ либеральныя теоріи, исходятъ изъ принципа индивидуальной свободы и, какъ извѣстно, вначалѣ объявляютъ себя противниками принципа Государства. Они первые сказали, что правительство, т. е. совокупность чиновниковъ, такъ или иначе организованныхъ и облеченныхъ спеціальной обязанностью выполнять дѣятельность Государства, — является необходимымъ *зломъ*, и что вся цивилизація заключается въ уменьшеніи правъ и атрибутовъ правительства. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что на практикѣ, всякій разъ, что существованіе Государства становится дѣйствительно подъ вопросомъ, — либеральныя доктринеры выказываютъ себя не менѣе фанатическими приверженцами абсолютнаго права Государства, чѣмъ абсолютисты монархизма или якобинства.

Ихъ поклоненіе Государству, повидимому по крайней мѣрѣ, столь противорѣчащее ихъ либеральнымъ максимамъ, объясняется двояко: во первыхъ *практически*

интересами ихъ класса, ибо громадное большинство либеральныхъ доктринеровъ принадлежитъ къ буржуазіи. Этотъ столь многочисленный и почтенный классъ не желать бы ничего лучшаго, какъ присвоить самому себѣ право или скорѣй привилегію самой полной анархіи; вся его социальная экономія, реальная база его политическаго существованія, не имѣеть, какъ извѣстно, другихъ законовъ, кромѣ этой анархіи, выражаемой въ этихъ, сдѣлавшихся столь знаменитыми, словахъ: „*Laissez faire et laisser passer*“.*) Но буржуазія любитъ анархію только для себя одной и при условіи, чтобы массы, „слишкомъ невѣжественныя, чтобы пользоваться ею безъ злоупотребленія“, оставались подчиненными строгой дисциплинѣ Государства. Ибо, если бы массы, оставши работать на другихъ, возстали бы, то все политическое и социальное существованіе буржуазіи рухнуло бы. И вотъ мы видимъ вездѣ и всегда, что, когда массы работниковъ начинаютъ волноваться, самые восторженные либералы-буржуа тотчасъ же дѣлаются изступленными сторонниками всемогущества Государства. А такъ какъ возбужденное состояніе пародныхъ массъ дѣлается теперь все возрастающей и хронической болѣзью, мы видимъ, что либералы-буржуа обращаются все болѣе и болѣе, даже въ самыхъ свободныхъ странахъ, къ культу абсолютной власти.

На ряду съ этой практической причиной, есть причина, чисто теоретическая, которая тоже заставляетъ самыхъ искреннихъ либераловъ возвращаться постоянно къ культу Государства. Они суть и называются либералами, потому что они берутъ индивидуальную свободу за основаніе и исходную точку своей теоріи, и именно, вслѣдствіе того что это ихъ исходная точка и основаніе, они должны прийти, по роковой послѣдовательности, къ признанію абсолютнаго права Государства.

Индивидуальная свобода не есть, говорятъ они, твореніе, историческій продуктъ общества. Они утверждаютъ, что она предшествуетъ всякому обществу, и что всякій человѣкъ приноситъ ее, рождаясь, вмѣстѣ со своей безсмертной душой, какъ даръ Бога. Откуда слѣдуетъ, что человѣкъ представляетъ нѣчто, что

*) Предоставьте вещи ихъ естественному теченію.

онъ вполнѣ онъ самъ, и является всецѣлымъ, какъ абсолютнымъ существомъ, только находясь внѣ общества. Будучи свободенъ самъ по себѣ раньше и помимо общества, онъ можетъ учредить это послѣднее лишь свободнымъ актомъ и посредствомъ какъ бы нѣкотораго контракта, инстинктивнаго и молчаливаго или сознательнаго и оформленнаго. Однимъ словомъ, по этой теоріи, не индивидуумы творятся обществомъ, а напротивъ сами его творять, подвижнутые какой-либо внѣшней нуждой, на примѣръ работою или войною.

Какъ видно, по этой теоріи, общество, въ собственномъ смыслѣ слова, не существуетъ; естественное человеческое общество, исходная точка всякой человеческой цивилизаціи, единственная среда, въ которой можетъ реально рождаться и развиваться личность и свобода людей, для этой теоріи совершенно неизвѣстно. Она признаетъ съ одной стороны лишь индивидуумовъ, существъ, которые существуютъ, которые свободны сами по себѣ, съ другой стороны то условное общество, которое учреждено волей индивидуумовъ и основано на оформленномъ или молчаливомъ контрактѣ, т. е. Государство. (Они знаютъ очень хорошо, что ни одно историческое Государство не имѣло своей базой контракта, что всѣ онѣ были основаны посредствомъ насилія и завоеванія. Но эта фикція свободнаго контракта, какъ базы Государства, имъ необходима, и они ее себѣ разрѣшаютъ безъ долгихъ церемоній).

Человѣческіе индивидуумы, чья масса условно соединенная составляетъ Государство, являются въ этой теоріи существами совершенно странными и полными противорѣчій. Одаренные каждый безсмертною душою и свободой или свободной волей, которыя отъ нихъ неотдѣлимы, они являются, съ одной стороны, существами безконечными, абсолютными и, какъ таковыя, самодовлѣющими въ себѣ самихъ, могущими довольствоваться самими собой и не нуждающимися ни въ комъ, строго говоря, даже въ Богѣ, ибо, будучи безсмертными и безконечными они сами Боги. Съ другой стороны, они существа очень грубо матеріальныя, слабыя, несовершенныя, ограниченныя и всецѣло подчиненныя внѣшней природѣ, которая ихъ носитъ, окружаетъ и рано или поздно уноситъ на тотъ свѣтъ. Созерцаемые съ

первой точки зрѣнія, они имѣютъ столь мало нужды въ обществѣ, что это послѣднее представляется скорѣй нѣкоторымъ препятствіемъ къ полнотѣ ихъ существованія, къ совершенной свободѣ. И вотъ мы видѣли, начиная съ первыхъ временъ христіанства, святыхъ и непреклонныхъ людей, которые, серьезно заботясь о безсмертіи и спасеніи своихъ душъ, разорвали свои связи съ обществомъ и, избѣгая всякаго общенія съ людьми, искали въ уединеніи совершенство, добродѣтель Бога. Они признали съ большой разумностью, съ большой логической послѣдовательностью общество источникомъ порчи, а совершенное уединеніе души условіемъ вѣснмъ добродѣтелей. Если они выходили иногда изъ своего одиночества, то не вслѣдствіе потребности, но по великодушію, по христіанскому милосердію къ людямъ, которые, продолжая портиться въ общественной средѣ, нуждались въ ихъ совѣтахъ, въ ихъ молитвахъ и въ ихъ руководствѣ. Это дѣлалось всегда для спасенія другихъ, никогда для собственного усовершенствованія. Они рисковали, напротивъ того, погубить свои души, возвращаясь въ общество, отъ котораго они съ отвращеніемъ бѣжали, какъ изъ школы всяческой испорченности, и, какъ только ихъ святое дѣло бывало закончено, они возвращались какъ можно скорѣе въ пустыню, чтобы тамъ снова приобрести, полупотерянное уже было, совершенство, чрезъ непрерывное созерцаніе своего индивидуальнаго существа, своей одинокой души, въ присутствіи одного Бога.

Это примѣръ, которому всѣ, вѣрящіе еще теперь въ безсмертіе души, въ прирожденную свободу или въ свободную волю, должны бы слѣдовать, если только они желаютъ спасти свои души и достойно приготовить ихъ къ вѣчной жизни. Я повторяю еще разъ: святые анархисты, достигавшіе, вслѣдствіе своей изолированности, полного оупѣнія, были совершенно логичны. Разъ душа безсмертна, т. е. безконечна въ своей сущности, свободна и самодовлѣюща, она должна довольствоваться сама собой. Только временныя, ограниченныя и конечныя существа могутъ взаимно дополнять другъ друга; безконечное не терпитъ дополненія. Встрѣчая что то другое, что не есть оно само, такое существо чувствуетъ себя какъ бы урѣзаннымъ; итакъ

оно должно избѣгать, игнорировать все, что не является имъ самимъ. Строго говоря, безсмертная душа, какъ я уже сказалъ, должна бы обходиться даже безъ Бога. Существо, безконечное въ себѣ самомъ, не можетъ признавать на ряду съ собой другое, равное себѣ, и еще менѣе можетъ признавать какое либо существо превыше себя. Всякое существо, которое было бы столь же безконечно, какъ оно, и которое не было бы имъ, полагало бы ему предѣлы и слѣдовательно обращало бы его въ конечное и обусловленное извнѣ существо. Признавая вѣдь себя существо столь же безконечное, какъ она сама, безсмертная душа тѣмъ самымъ необходимо признаетъ себя существомъ конечнымъ. Ибо безконечное является дѣйствительно таковымъ, лишь когда оно объемлетъ все и ничего не оставляетъ вѣдь себя. Съ еще большей неизбежностью безконечное существо не можетъ, не должно признавать существо превыше себя. Безконечность не допускаетъ никакой относительности, никакой степени; эти слова: безконечность высшая, безконечность низшая заключаютъ въ себѣ нелѣпость; Богъ является именно нелѣпостью. Теологія, имѣющая привилегію быть нелѣпой и вѣрящая въ вещи именно потому, что они нелѣпы, поставила надъ человѣческими душами, безсмертными и слѣдовательно безконечными, высшую, абсолютную безконечность Бога. Но, чтобы поправить себя, она измыслила Сатану, который представляетъ собой именно бунтъ безконечнаго существа противъ существованія абсолютной безконечности, противъ Бога. И подобно тому, какъ Сатана возмутился противъ высшей безконечности Бога, такъ же точно святые, христіанскіе анархисты, слишкомъ смиренные, чтобы бунтовать противъ Бога, бунтовали противъ равной безконечности людей, противъ общества.

Они объявили съ большой основательностью, что они въ немъ не нуждаются, чтобы спастись; и что разъ, по странной фатальности, они являются безконечностями.... *) и испавшими, то общество Бога, то

*) Слово не могущее быть прочитаннымъ въ рукописи (dés... qués).

созерцаніе самихъ себя въ присутствіи этой абсолютной безконечности ихъ удовлетворяеть.

И я объявляю еще разъ, что это примѣръ для подражанія всѣмъ, кто вѣритъ въ безсмертіе души. Съ этой точки зрѣнія, общество не можетъ имъ дать ничего, кромѣ вѣрной гибели. Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ оно людямъ? Во-первыхъ матеріальныя богатства, не могущія быть добытыми, въ достаточномъ количествѣ, иначе какъ черезъ коллективный трудъ. Но для того, кто вѣритъ въ вѣчное существованіе не должны ли эти богатства быть предметомъ презрѣнія? Развѣ Іисусъ Христосъ не сказалъ своимъ ученикамъ: „Не собирайте сокровищъ на этой землѣ, ибо гдѣ ваши сокровища, тамъ и ваше сердце“, а въ другой разъ: „Легче толстою веревкѣ (по другому варианту, верблюду) пройти въ игольное ушко, чѣмъ богатому въ царство небесное“. (Я всегда воображаю себѣ миду, которую должны дѣлать благочестивые и богатые буржуа—протестанты Англии, Америки, Германіи и Швейцаріи, читая эти сентенціи столь рѣшительныя и столь непріятныя для нихъ).

Іисусъ Христосъ правъ; между жадностью къ матеріальнымъ богатствамъ и спасеніемъ безсмертныхъ душъ, есть абсолютная непримиримость. И въ такомъ случаѣ, если только дѣйствительно вѣришь въ безсмертіе души, то не лучше ли отказаться отъ комфорта и роскоши, доставляемыхъ обществомъ, и питаться кореньями по примѣру анахоретовъ, спасавшихъ на вѣчность свою душу, чѣмъ погубить ее ради нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, наполненныхъ матеріальными удовольствіями. Это вычисленіе столь просто, столь очевидно вѣрно, что мы принуждены думать, что благочестивые и богатые буржуа, банкиры, фабриканты, купцы, обдѣлывающіе такъ хорошо свои дѣла, пользуясь, вы знаете какими средствами, и тѣмъ не менѣе имѣя всегда на устахъ слова Евангелія,—нисколько не разсчитываютъ на безсмертіе своихъ душъ, великодушно предоставляя его пролетаріату, а себѣ смиренно оставляя тѣ ничтожныя, матеріальныя блага, которыя они собираютъ на этой землѣ.

Помимо матеріальныхъ благъ, что еще даетъ общество? Чувственныя, человѣческія, земныя склонности,

образование и культуру ума, всё эти вещи, громадные съ человеческой, преходящей и земной точки зрѣнія, но которыя въ сравненіи съ вѣчностью, безсмертіемъ, Богомъ равны нулю. Развѣ самая великая человѣческая мудрость не безуміе сравнительно съ Богомъ.

Легенда восточной Церкви рассказываетъ, что два святые анахорета, добровольно заключившіеся въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ на пустынномъ островѣ, удаляясь даже другъ отъ друга и проводя дни и ночи въ созерцаніи и молитвѣ, дошли до того, что потеряли даже способность языка; изъ всѣхъ раниже имъ знакомыхъ словъ они сохранили только три или четыре, которыя вмѣстѣ соединенныя, не являли никакого смысла, но тѣмъ не менѣе прекрасно выражали передъ Богомъ самыя высокія стремленія ихъ душъ. Они питались конечно кореньями, какъ травоядныя животныя. Съ человѣческой точки зрѣнія эти два человѣка были слабоумными или безумцами, но съ точки зрѣнія божественной, съ точки зрѣнія вѣры въ безсмертіе души, они выказали себя гораздо болѣе глубокими вычислителями, чѣмъ Галилей и Ньютонъ. Ибо они пожертвовали нѣсколькими десятками лѣтъ земного благоденствія и свѣтскаго ума, дабы получить вѣчное блаженство и божественную мудрость.

Итакъ очевидно, что человѣкъ, поскольку онъ одаренъ безсмертной душой, поскольку онъ одаренъ безконечностью и свободой, присущими этой душѣ, является существомъ въ высшей степени антисоціальнымъ. И если бы онъ былъ всегда благоразуменъ, если бы, исключительно занятый своимъ безсмертіемъ, онъ былъ настолько уменъ, чтобы презирать всё блага, влеченія и суеты этой земли, то онъ бы никогда не вышелъ изъ состоянія божественной невипности или слабоумія, и никогда бы не создалъ общества. Однимъ словомъ Адамъ и Ева никогда бы не вкусили плодъ древа познанія, и мы бы жили всё какъ звѣри въ земномъ раю, предназначенномъ Богомъ для ихъ жизни. Но какъ только люди захотѣли познавать, образовываться, очеловѣчиваться, думать, говорить и пользоваться матеріальными благами, они необходимо должны были выйти изъ одиночества и составить общество. Ибо насколько они *внутренно* безконечны,

безсмертны, свободны, настолько же *внѣшнимъ образомъ* они ограниченны, смертны, слабы и зависимы отъ внѣшняго міра.

Созерцаемое съ точки зрѣнія земного, т. е. реальнаго, а не фиктивнаго существованія, огромное большинство людей представляетъ зрѣлище такого униженія, такой бѣдности подвиговъ, воли и ума, что надо обладать дѣйствительно большой способностью къ самообману, чтобы отыскать въ нихъ безсмертную душу и проблескъ свободной воли. Они являютъ себя намъ существами, всецѣло и фатально обусловленными: обусловленными прежде всего внѣшней природой, характеромъ почвы и всѣми матеріальными условіями своего существованія, обусловленными безчисленными отношеніями политическими, религіозными и социальными, обусловленными обычаями, привычками, законами, цѣлымъ міромъ предразсудковъ и мыслей, медленно скопленныхъ предыдущими вѣками, и которые они получаютъ, рождаясь среди общества, коего они никогда не являются творцами, но напротивъ того сперва произведеніями, а потомъ инструментами. На тысячу людей можно найти развѣ одного, о которомъ можно бы сказать, съ точки зрѣнія относительной, а не абсолютной, что онъ желаетъ и думаетъ самъ отъ себя. Огромное большинство человѣческихъ индивидуумовъ, не только среди *невѣжественныхъ массъ*, но и среди цивилизованныхъ и привилегированныхъ классовъ, желаютъ и думаютъ только то, что свѣтъ вокругъ нихъ желаетъ и думаетъ; они полагаютъ, конечно, что желаютъ и мыслятъ сами по себѣ, но дѣйствительно они лишь рабски, рутинерски, съ совершеннымъ пезначущими и ничтожными измѣненіями, повторяютъ мысли и желанія другихъ. Это рабство, эта рутинерка, неисчерпаемые источники общихъ мѣствъ, это отсутствіе бунта въ волѣ и это отсутствіе инициативы въ мысли индивидуумовъ являются главными причинами приводящей въ отчаяніе медленности историческаго развитія человѣчества. Для насъ, материалистовъ или реалистовъ, не вѣрящихъ ни въ безсмертіе души, ни въ свободную волю, эта медленность, сколько она ни печальна, представляется явленіемъ естественнымъ. Изшедши изъ состоянія гориллы, человѣкъ

только съ большимъ трудомъ доходитъ до сознанія своей человѣчности и реализаціи своей свободы. Вначалѣ онъ не можетъ имѣть ни это сознаніе, ни эту свободу; онъ рождается дикимъ звѣремъ и рабомъ, и очеловѣчивается и эманципируется постепенно и лишь въ средѣ общества, которое необходимо предшествуетъ рожденію его мысли, слова и воли; онъ можетъ создать его только коллективными усиліями всѣхъ прошедшихъ и настоящихъ членовъ этого общества, которое такимъ образомъ является базой и исходной точкой его человѣческаго существованія. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ осуществляетъ свою индивидуальную свободу и свою личность, лишь будучи дополненъ всѣми индивидуумами, которыми онъ окруженъ, и только благодаря работѣ и коллективному могуществу общества, безъ котораго онъ бы конечно остался самымъ тупымъ и несчастнымъ животнымъ изъ всѣхъ, которые паселяютъ землю. Въ системѣ матеріалистовъ, единственной естественной и логичной, общество не только не уменьшаетъ и не ограничиваетъ свободу человѣческихъ индивидуумовъ, но напротивъ создаетъ ее. Оно—корень и дерево, а свобода его плодъ. И потому во всякой эпохѣ, человѣкъ долженъ искать свою свободу не въ началѣ, а въ концѣ исторіи, и можно сказать, что дѣйствительное и всецѣлое освобожденіе каждаго человѣческаго индивидуума является истинной, великой цѣлью, высшимъ концомъ и увѣнчаніемъ исторіи.

Совершенно иная точка зрѣнія идеалистовъ. Въ ихъ системѣ человѣкъ рождается вначалѣ существомъ бессмертнымъ и свободнымъ, а кончаетъ тѣмъ, что становится рабомъ. Въ качествѣ бессмертнаго свободного, всецѣлаго и самодовлѣющаго духа, онъ не нуждается въ обществѣ; откуда слѣдуетъ, что если онъ входитъ въ общество, то только вслѣдствіе извѣстнаго рода паденія, или потому что онъ забываетъ и теряетъ сознаніе своего бессмертія и свободы. Существо противорѣчивое, внутренне безконечное, какъ духъ, и между тѣмъ зависимое, недостаточное и матеріальное съ внѣшней стороны, онъ долженъ входить въ сообщество не ради потребностей своей души, но для сохранения своего тѣла. Итакъ общество учреждается лишь по-

средствомъ пожертвованія интересовъ и независимости души ради презрѣнныхъ нуждъ тѣла. Это истинное паденіе и обращеніе въ рабство для индивидуума, внутренне безсмертнаго и свободнаго; это, по крайней мѣрѣ, частичное отреченіе отъ первоначальной свободы.

Извѣстна сакраментальная фраза, которая на жаргонѣ всѣхъ сторонниковъ Государства и юридическаго права, выражаетъ это паденіе и пожертвованіе, этотъ первый фатальный шагъ къ человѣческому рабству. Индивидуумъ, пользуясь всецѣлой свободой въ природномъ состояніи, т. е. раньше чѣмъ сдѣлаться членомъ какого бы то ни было общества, дѣлаетъ, входя въ это послѣднее, пожертвованіе части своей свободы, дабы общество гарантировало ему остатокъ. Если спросить объясненіе этой фразы, отвѣчаютъ обыкновенно слѣдующей: „Свобода каждаго человѣческаго индивидуума не должна имѣть другихъ границъ, кромѣ свободы всѣхъ другихъ индивидуумовъ“.

Повидимому, ничего не можетъ быть справедливей, не правда ли? А между тѣмъ эта теорія содержитъ въ зародышѣ всѣ теоріи деспотизма. Согласно съ основной идеей идеалистовъ всѣхъ школъ и противно всѣмъ реальнымъ фактамъ, человѣческій индивидуумъ выводится, какъ существо совершенно свободное постольку и единственно постольку, поскольку онъ остается внѣ общества, откуда слѣдуетъ, что это послѣднее, разсматриваемое и понятое единственно какъ общество юридическое и политическое, т. е. какъ Государство, является отрицаніемъ свободы. Вотъ результатъ идеализма; какъ видно, онъ совершенно противоположенъ выводамъ матеріализма, который согласно съ тѣмъ, что происходитъ въ реальномъ мірѣ, заставляетъ индивидуальную свободу людей вытекать изъ общества, какъ естественное слѣдствіе коллективнаго развитія человѣчества.

Материалистическое, реалистическое и коллективистическое опредѣленіе свободы, совершенно противоположное опредѣленію идеалистовъ, таково: Человѣкъ становится человѣкомъ и достигаетъ сознанія и осуществленія своей человѣчности, лишь въ обществѣ и единственно коллективнымъ дѣйствіемъ всего обще-